

Поздняя ночь. Вилла погрузилась в абсолютную тишину, нарушаемую лишь мерным гудением центрального кондиционера. Се Хуайде ворочался на кровати в гостевой спальне, не в силах уснуть. Непривычная обстановка, излишне мягкий матрас и череда дневных воспоминаний, бесконечно прокручивавшихся в голове, держали его нервы на пределе.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда за окном внезапно полоснула ослепительно-белая вспышка, а следом за ней со стороны гроыхнул глухой раскат грома, катившийся и нарастающий издалека.

Грохox —!

Гром грянул так оглушительно, будто прямо над самой крышей.

Се Хуайде резко распахнул глаза, его сердце забилося в диком, неконтролируемом ритме. Вообще-то он не боялся грозы, но этот удар прозвучал настолько внезапно и громко, что в ушах зазвенело.

Почти одновременно с этим его накрыла странная, удушающая паника, явившаяся без всякого предупреждения. Дело было вовсе не в громе как таковом — ощущался какой-то более глубокий испуг, словно рожденный самой плотью и ее инстинктами. В сознании мелькнули какие-то сумбурные образы, но они неслись слишком быстро, ухватить их не получалось, оставляя лишь ощущение тонущего человека, лишенного воздуха.

Он с натугой выдохнул и сел, чувствуя, как на висках выступил холодный пот. За окном один за другим следовали новые раскаты, а капли дождя забарабанили по стеклу сплошной, густеющей пеленой.

В висках вновь запульсировала тупая боль, сопровождаемая легким звоном в ушах. Он с силой надавил на виски, пытаясь отогнать дурноту, но это почти не помогало. В комнате он был совсем один, грохот грома и шум дождя казались бесконечно усиленными, а чувство оторванности от всего мира переплеталось с беспричинным ужасом, не давая найти покоя.

Новая молния разорвала ночное небо, на мгновение залив комнату мертвенно-бледным светом. Тотчас же грянул гром, готовый, казалось, расколоть небесный свод.

Се Хуайде, действуя почти на уровне рефлексов, откинул одеяло и босиком ступил на прохладный пол. Он даже не успел толком подумать: тело опередило мысли. Шагнув к двери, он распахнул ее, миновал полутемный коридор и остановился перед дверью комнаты Сюй Чжися, находившейся по соседству.

Подняв руку, он на секунду замер в нерешительности, но костяшки пальцев все же легко коснулись дерева.

Тук-тук...

Звук вышел глухим, практически утонув в шуме грозового ливня за окном.

Он и сам не понимал, зачем это делает. Просто в этот момент, среди пугающей ночной грозы в чужом доме, приблизиться к единственному человеку, которого можно было назвать «знакомым», казалось единственным правильным инстинктом.

Из-за двери не сразу последовал ответ.

Се Хуайде стоял на пороге, чувствуя, как холод исходит от гладкого деревянного пола прямо сквозь подошвы ног. Прислушиваясь к собственному учащенному дыханию и бушующему за окном ливня снаружи, он чувствовал, как к нему возвращается рассудок, а вместе с ним накатывает жгучее чувство неловкости и запоздалого сожаления. Что он вообще творит?

Он уже собирался повернуться и вернуться в свою комнату, как дверь со щелчком отворилась изнутри.

Сюй Чжися стоял на пороге — судя по всему, он тоже не спал. На нем была темная пижама, а волосы слегка растрепались. В комнате горел лишь тусклый ночник, чьих слабых лучей едва хватало, чтобы обрисовать его смутный силуэт в темноте. Выражение лица нельзя было разобрать из-за тени, но взгляд — ясный и необыкновенно спокойный — с легким вопросом устремился на Се Хуайде.

Се Хуайде приоткрыл рот, но с ужасом понял, что совершенно не знает, что сказать. Не заявлять же, что он испугался грозы? Или приняться объяснять эту нелепую, иррациональную панику?

Он застыл на месте, чувствуя, как пересохло в горле.

Взгляд Сюй Чжися упал на его слегка посветлевшее лицо, задержался на несколько секунд на еще не высохшем холодном поте у висков. Снаружи снова блеснула молния, осветив в глазах Се Хуайде остатки не успевшего угаснуть испуга.

Сюй Чжися не стал задавать лишних вопросов. Он просто отступил вбок, освобождая проход.

Жест был предельно простым, но почему-то именно он позволил туго натянутым нервам Се Хуайде немного отпустить. Он не вошел, но и не сдвинулся с места — так и стоял на пороге, словно потерявшийся ребенок.

Дождь продолжал лить, грохот стихал, оставляя лишь непрекращающийся шум воды, барабанивший по стеклам ночного города.

Сюй Чжися тоже не торопил его, просто тихо стоял рядом, словно давая время принять решение.

В полумраке коридора оба подростка замерли: один внутри, другой снаружи, разделенные расстоянием всего в один шаг. Под раскаты ночной грозы между ними повисло хрупкое, звенящее молчание — нечто вроде молчаливого противостояния или... затянувшейся негласной паузы.

Простояв так минуты пять, Сюй Чжися посмотрел на него и вдруг едва слышно вздохнул. Его голос прозвучал так тихо, что едва не затерялся в шуме дождя. Затем он развернулся и направился вглубь комнаты, равнодушно бросив через плечо:

— Заходи, в дверях холодно.

Эти слова разрушили застывшую атмосферу. Се Хуайде закусил губу, но в конце концов шагнул внутрь и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Единственным источником света в комнате Сюй Чжися оставался ночник, заливавший мягким желтоватым светом лишь небольшой пятчок у изголовья и разгонявший мрак. Шум дождя, оставшийся за окном, превратился в глухой, монотонный гул.

Хозяин комнаты уже устроился обратно на кровати, прислонившись спиной к изголовью. В руках у него снова была та самая толстая книга, которую он читал ранее — судя по всему, он собирался продолжить чтение. Он даже не взглянул на Се Хуайде, ведя себя так, будто появление гостя было самым естественным делом на свете.

Се Хуайде стоял посреди комнаты, чувствуя себя еще более растерянным. Не стоять же ему здесь всю ночь напролет? Или... лечь вместе с ним?

От этой мысли у него запылали уши. На гостевой кровати ему не уснуть, а местный диван... Бросив взгляд на стоящее неподалеку одинокое кресло, вид которого совершенно не располагал к отдыху, он мысленно отбросил этот вариант.

Сюй Чжися перевернул страницу, и боковым зрением, казалось, заметил его замешательство. Не поднимая головы, он лишь небрежно указал рукой, державшей книгу, на свободное место с другого края кровати, а его голос остался все таким же ровным:

— Ложись.

Всего одно короткое слово, лишенное каких-либо эмоций, но прозвучавшее как команда, которая помогла хаотичным мыслям Се Хуайде обрести опору. Поколебавшись еще несколько секунд, он все-таки обошел кровать с другой стороны, слегка зажато откинул край одеяла и лег.

Матрас едва заметно прогнулся под его весом. Между ними оставалось небольшое расстояние, но сквозь него отчетливо ощущалось тепло другого человека и само его присутствие.

Се Хуайде лежал спиной к Сюй Чжися, вытянувшись в струнку, и уставился в темноту на смутные очертания противоположного шкафа. Дождь методично шелестел за окном, в комнате раздавался лишь тихий шорох переворачиваемых страниц да их почти неслышное дыхание.

Он думал, что теперь уснуть станет еще труднее, но то ли сказывалась усталость после грозы, то ли — чего он сам признавать не желал — странное чувство уюти и покоя, исходившее от лежащего рядом человека, натянутые нервы начали понемногу расслабляться, и сознание стало заволакивать туманом.

И в тот самый момент, когда он балансировал на грани сна и бодрствования, Сюй Чжися, до этого молча читавший, вдруг закрыл книгу и положил ее на тумбочку. Раздался тихий стук.

А затем Се Хуайде услышал его тихий вопрос. Голос нес в себе оттенок какой-то давней, почти инстинктивной привычки, словно пробившись сквозь пелену забвения и ударив прямоиком по его затуманенному разуму:

— Тебя обнять?

Остатки сонливости мгновенно улетучились, а тело едва заметно напряглось. Этот вопрос прозвучал слишком внезапно, слишком интимно — он явно выходил за рамки тех отношений, которые сейчас связывали его с Сюй Чжися. Се Хуайде почти решил, что ему послышалось или что он видит сон.

Он не ответил и не шевельнулся. Сердце же, пропустив пару ударов, заколотилось сильнее, а изнутри начала медленно расползаться странная смесь изумления, неловкости и едва уловимой, непонятно откуда взявшейся горечи, которую он и сам не смог бы объяснить.

Задав свой вопрос, Сюй Чжися не стал совершать никаких дальнейших действий. Он просто молча лег и погасил ночник.

Комната погрузилась в кромешную темноту.

В темноте все чувства обострились до предела. Се Хуайде слышал ровное дыхание Сюй Чжися, улавливал чистый запах постельного белья, смешанный с прохладным, свежим ароматом, всегда исходившим от самого Сюй Чжися.

Зачем он это спросил? По привычке? Или... он тоже помнит те стертые из памяти дни, когда эта привязанность была куда сильнее?

Больше никто не произнес ни слова. Дождь за окном, кажется, немного стих, превратившись в сплошной, убаюкивающий шорох.

Се Хуайде лежал с открытыми глазами в темноте, и лишь спустя долгое время, поддавшись давлению усталости и роящихся в голове мыслей, наконец снова закрыл глаза. Тело по-прежнему сохраняло прежнюю позу — напряженную и настороженную, но где-то в самом глубинном уголке души от этого внезапного вопроса, преодолевшего барьер забытья, остался крошечный, почти неразличимый надлом.

Этой ночи было не суждено стать спокойной.

<http://bllate.org/book/21841/2264375>